

О.А. Толпыгина,
Самарский университет

МЕМОРИ-АКТИВИЗМ В РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ, ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

В статье раскрываются социальные и политические условия появления мемори-активизма как формы гражданского активизма, рассматривается специфика концепта мемори-активизм.

В статье анализируются особенности мемори-активистского дискурса, его отличие от официальной политики памяти, также выделяются этапы развития мемори-активизма. Демонстрируется динамика отношений мемори-активистских организаций и государственных органов власти.

Ключевые слова: мемори-активизм, политика памяти, память травмы, мемориальная культура

O.A. Tolpygina,
Samara University

MEMORY ACTIVISM IN RUSSIA: PREREQUISITES FOR APPEARANCE, VECTORS OF DEVELOPMENT

The article reveals the social and political conditions for the emergence of memory activism as a form of civil activism, and examines the specifics of the concept of memory activism.

The article analyzes the features of memory activist discourse, its difference from the official policy of memory, and also highlights the stages of development of memory activism. The dynamics of relations between memorial activist organizations and government authorities are demonstrated.

Keywords: memory activism, politics of memory, memory of trauma, memorial culture.

Изучение коллективной памяти (memory studies) давно стало одним из важнейших направлений социально-гуманитарных исследований. Количество исследований в данной дисциплинарной области постоянно увеличивается. Возникают и эффективно функционируют различные государственные, научные и общественные институты, целью которых является анализ, интерпретация и трансляция различных версий коллективной памяти. Кроме того, в последние годы по всему миру наблюдается рост числа общественных инициатив, способствующих развитию исследований в области памяти.

Безусловно, главный и привилегированный актор в процессе формирования культурной памяти как национальной общности в целом, так и отдельных социальных групп, – это государство [1, с. 74]. Как отмечает О.Малинова, «...государство обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности путем властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания символам «официального» статуса, а также благодаря способности представлять Нас на международной арене...» [2, с. 126].

Тем не менее государство не является единственным мемориальным актором. Даже в авторитарной политической системе существуют структуры гражданского общества, занимающиеся альтернативной мнемонической деятельностью [3, с. 14]. Данные общественные инициативы получили название мемори-активизм (memory activism).

Понятие мемори-активизм было предложено израильской исследовательницей Йифат Гутман, которая определила этот вид активизма как «стратегию коммеморации, реабилитацию вытесненных из официального дискурса локальных версий памяти, призванных вызвать общественную дискуссию» [4, с. 51]. Цель данной дискуссии – спровоцировать изменение политической повестки и способствовать трансформации официальных практик в отношении маргинализированных мемориальных нарративов. По мнению Гутман, мемори-активизм призван выступить инстру-

ментом преодоления исторической (культурной) травмы, конфликтов и идеологических расколов в обществе, способом достижения согласия.

* * *

В современной России официальная память является одним из конфликтных пространств, точкой социального напряжения. Отношение к советскому прошлому, к периоду репрессий стало проблемной зоной в современном российском дискурсе. Репрессии выступают той «исторической травмой», вокруг которой возник мемори-активизм в России, о чем свидетельствуют, в том числе, названия российских организаций: Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», музей Гулага, музей «Память Колымы»; Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» и др.

В России мемори-активистское движение возникло во второй половине 80-х годов XX в., в контексте Перестройки и Гласности, т.е. в период интенсивной низовой мобилизации граждан. Предпосылки мемори-активистского движения рождались в интенсивных общественно-политических дискуссиях, на многочисленных площадках для дебатов и обсуждений многообразных тем, среди которых одной из наиболее важных были вопросы культурной памяти. В стихийных и организованных спорах представители разных социальных групп получали голос, реабилитировались «фигуры умолчания» советского периода – память репрессий, террора, Гулага, Великой Отечественной войны, раскулачивания, высылки этнических групп и т.д.

В течение последующих лет происходило интенсивное формирование разнообразных мемори-активистских практик, расширение их репертуара, который включал архивную работу, создание баз данных, памятные акции, открытые лекции и дебаты, дискуссии, образовательные и просветительские проекты и многое другое. В рамках просветительской деятельности создавались учебные школьные курсы, коммуникативные и лекционные публичные площадки, выставки, подкасты и т.д.

С распространением интернета многие формы активности перешли в новые медиа: создавались интернет-площадки, банки данных, архивы, тематические видео, цифровые библиотеки и т.д.

Так, в 2013 г. был создан интернет-проект «Топография террора», в обновленной версии – «Это прямо здесь» [5]. Проект представляет собой интерактивную карту Москвы и Московской области, на которой указаны объекты, связанные с периодом репрессий, диссидентства, борьбы с инакомыслием. Первоначально на карту наносились структуры ГУЛАГа, тюрьмы, лагеря, захоронения, следственные изоляторы и т.д. Однако позже топография расширилась и стала включать объекты, связанные с жизнью репрессированных и членов их семей: дома, места работы, общественные пространства, в которых проходили акции протеста в 60-х годах и т.д.

В качестве наиболее деятельной и распространенной мемори-активистской структуры в настоящее время можно назвать Некоммерческий Фонд увековечивания памяти жертв политических репрессий «Последний Адрес», концепция которого предполагает увековечивание памяти репрессий в городском пространстве. Как отмечает исследователь Ф. Веселов, «Последний адрес» вписывается в уже существующий тренд, связанный с индивидуализацией жертв репрессий и нанесением информации о событиях прошлого на карту современного города» [6, с. 216].

Деятельность «Последнего адреса» заключается в установке памятных знаков на домах, где жили репрессированные и их семьи. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, акции проводятся также во многих городах России. Как отмечают авторы проекта, целью акций является увековечивание памяти «непривилегированных» героев – простых людей, живших и работавших во времена репрессий и пострадавших от них, девиз Фонда – «Одно имя, одна жизнь, один знак».

Также известными организациями являются «Бессмертный барак» и «Открытый список», деятельность которых разворачивается только в интернете.

Российский мемори-активизм, появившийся во второй половине 80-х годов на волне демократизации общества и расцвета гражданской активности, претерпевает разные вызовы, заключающиеся в трансформации социально-политического контекста, изменении запросов со стороны общества и государства.

Тем не менее лидеры и участники мемори-активистского движения видят в нем потенциал дальнейшей эволюции. Как отмечает историк Ф. Веселов, «ресурсы, которыми обладают мемори-активистские организации – гибкая структура, большое количество волонтеров, безусловный общественный интерес, широта социальных сетей, выходящих за пределы государства, и одновременная локальность оргструктур» [6, 231] позволяют мемори-активистам продолжать свою деятельности, приспосабливаясь к новым социально-политическим реалиям.

Список литературы

1. Wertsch J.V. Voices of collective remembering. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2002. – P. 67-87.
2. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: РОССПЭН, 2015. – 200 с.
3. Watson R.S. Memory, History, and Opposition under State Socialism: An Introduction. Memory, history, and opposition under state socialism. Santa Fe: School for Advanced Research Press. – 1994. – P. 1-21.
4. Gutman Yt. Memory Activism: Reimagining the Past for the Future in IsraelPalestine. Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 2017. – 200 p.
5. Это прямо здесь. – <https://topos.memo.ru/> (режим доступа: 19.10.2023).
6. Веселов Ф. «Последний адрес»: негосударственный мемориальный проект и политика памяти в России. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 2020. – С. 202-231.